

УДК 882(092)

ЮМОР “ВЕЧЕРОВ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ” Н.В.ГОГОЛЯ КАК ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Жаркевич Н.М.

У статті простежується еволюція уявлень про гумор – одну з найважливіших особливостей поетики першої збірки повістей М.Гоголя – в російському та українському літературознавстві протягом XIX–XXI ст.

Ключові слова: гумор, простодушна веселість, книга легка, весела, забавна, швидкий перехід від веселоців до суму, сміх містичний, народна сміхова культура, карнавальні елементи, спільнослов'янські та національні витoki.

В статье прослеживается эволюция представлений о юморе – одной из наиболее ярких поэтических особенностей первого сборника повестей Н.Гоголя – в русском и украинском литературоведении XIX–XXI вв.

Ключевые слова: юмор, простодушная веселость, книга легкая, веселая, забавная, быстрый переход от веселости к грусти, смех мистический, народная смеховая культура, карнавальные элементы, общеславянское и национальное начало.

The article explores with the evolution of the idea of humour as one of the most representative peculiarities in the first collection of short stories by N.Gogol, in Russian and Ukrainian literary studies of the XIX–XXI centuries.

Key words: humour, open-hearted gaiety, lucid, gay, funny book, quick transition from gaiety to grief, mystical laughter, folk humour culture, carnival elements, commonSlavonic and national source.

Уже первые отклики, прозвучавшие по адресу гоголевских “Вечеров на хуторе близ Диканьки” в 30-е гг. XIX века, четко обозначили круг проблем, которые впоследствии стали предметом постоянного внимания исследователей. Таковы вопросы народности, фольклоризма, этнографической достоверности, др. Среди них оказалась и проблема юмора. Однако и первых читателей, и первых критиков юмор цикла привлек, главным образом, своей эмоциональной стороной. А.С.Пушкин, как известно, писал об “истинной веселости” “Вечеров” “без жеманства, без чопорности” [1, с. 179], “простодушной, но вместе с тем лукавой” [1, с. 237]. Л.Я.Якубович находил в них “веселость неподдельную, остроумие невыкраденное” [2, с. 625]. С.А.Шевырев называл их “хохотливыми” [3, с. 397, 402]. А В.Г.Белинский характеризовал их как “улыбку юноши, приветствующего прекрасный божий мир” [4, т. IV, с. 318].

Правда, природу этой “веселости” разные критики в зависимости от своих эстетических пристрастий объясняли по-разному. Для Н.А.Полевого это был юмор, прежде всего, простонародный, а потому “веселый”, но вместе с тем “мелочный, неглубокий”: “Гоголь воспользовался юмором

земляков своих” [5, с. 263]. Для С.П.Шевырева это была “безвредная бессмыслица”, а сам Гоголь обладал редким даром истинно комического таланта” [3, с. 402]. О.И.Сенковский воспринимал юмор гоголевских “Вечеров” как юмор “провинциальный”, “малороссийское жартованье” [6, с. 403]. В.Г.Белинский выводил его из умения писателя быть “верным действительности”: “Комизм еще не составляет основного элемента всех сочинений Гоголя. Он разлит преимущественно в “Вечерах на хуторе близ Диканьки”... Здесь поэт как бы сам любит созданными им оригиналами. Однако ж эти оригиналы не его выдумка. Они смешны не по его прихоти; поэт строго верен в них действительности. И потому всякое лицо говорит и действует у него в сфере своего быта, своего характера и того обстоятельства, под влиянием которого они находят” [4, т. IV, с. 318].

Это представление о первых повестях Н.В.Гоголя как о книге веселой, в которой “все светло” и “мрачные духи еще не смущают тяжелыми предчувствиями юного сердца, трепещущего полнотою жизни” [4, т. IV, с. 318], станет общим местом большинства посвященных ей суждений и отзывов, причем независимо от идеологической или

эстетической ориентации их авторов. Так, в частности, в “Чтениях о русском языке” (1840) Н.И.Греча читаем: “Очень *забавны* (выделено нами – Н.Ж.) малороссийские повести Гоголя под названием “Вечера на хуторе близ Диканьки” [7, с. 340]. Практически в унисон с этим замечанием звучит высказывание А.И.Герцена (1850): “Рассказы, с которыми выступил Гоголь, представляют собою серию подлинно прекрасных картин ... *полных веселости* (выделено нами – Н.Ж.) [8, с. 446].

О “веселости” “Вечеров” писали Ап.Григорьев (“в них все ясно и весело ... самый юмор простодушен...” [19, с. 22], А.В.Дружинин (“сперва его сочинения мы читали, чтобы нахотаться вдоволь” [10, с. 746]), Н.О.Бауман (“Гоголь мгновенно сделался любимцем публики, приходившей в восторг от его простодушной веселости...” [11, с. 238]), П.А.Вяземский [12, с. 319], П.А.Чаадаев [13, с. 1086]. Примеры можно приводить еще.

Думается, что такая устойчивость восприятия вытекала из признаний самого Н.В.Гоголя. В 1855 году достоянием широкой общественности стала его знаменитая “Авторская исповедь”, в которой писатель признавался: “Чтобы развлекать себя самого я придумывал себе все смешное... Молодость, во время которой не приходят на ум никакие вопросы, подталкивала. Вот происхождение тех первых произведений, которые одних заставляли смеяться так же беззаботно и безотчетно, как и меня самого” [14, с. 437].

И хотя еще А.С.Пушкин, а чуть позже и В.Г.Белинский обратили внимание на неоднородность гоголевского юмора уже в первых повестях писателя (ср.: “... в его “Вечерах” ... смешное перемешано с серьезным, грустным, прекрасным и высоким” [4, I, с. 271]), тем не менее эти замечания прошли практически незамеченными.

В 70–90-е гг. XIX ст. мысль о “веселом” юморе “Вечеров” становится достоянием академического литературоведения, в частности, представителей культурно-исторической школы. Так, Н.С.Тихонравов будет называть первые повести Н.В.Гоголя “невинными, беззаботными сценами” [15, с. 542], А.И.Кирпичников – “веселыми и поэтическими рассказами” [16, с. 227]. А.Н.Пыпин не раз подчеркнет их “неподражаемый юмор” [17, с. 469].

Правда, в отличие от многих своих предшественников, литературоведы 70–90-х гг. XIX века попытаются не просто зафиксировать оптимизм и жизнелюбие гоголевского юмора. Именно ими будут предприняты вполне конкретные усилия по уяснению его природы. И прежде всего через национальные истоки гоголевского творчества. В этом контексте К.Петров будет писать о воздействии на Н.В.Гоголя традиций новейшей украинской литературы (творчество И.П.Котляревского, П.П.Гулака-Артемовского, В.А.Гоголя-отца), которое проявилось в “карикатурно-юмористическом тоне” его повестей [18, с. 246]. И.С.Некрасов будет отмечать, что свой юмор Н.В.Гоголь унаследовал “от того племени, к которому он принадлежал” [19, с. 30]. Сходную позицию по данному вопросу займет и А.Н.Пыпин: “Гоголь был малоруссом до мозга костей” и “носил в самом себе черты

специально малорусской веселости и юмора” [17, с. 462].

Однако само содержание понятия “малорусский юмор” тогда так и осталось нераскрытым. Первым, кто попытался представить его специфику, стал Д.Н.Овсяннико-Куликовский. Как и большинство гоголеведов рубежа XIX–XX вв., он, в принципе, разделял мысль о мажорном, радостном характере “Вечеров”. По его словам, ранние повести Н.В.Гоголя – это “феерия”, “праздник жизни” [20, с. 13]. Но, подобно А.С.Пушкину и В.Г.Белинскому, он уже фиксирует неоднородность их юмора, который “сквозит и искрится здесь и там, но видно, что есть и какая-то задержка” [20, с. 13]. Истоки же этой неоднородности Д.Н.Овсяннико-Куликовский, представитель психологической школы в литературоведении, попытался отыскать в психологических особенностях украинской нации: “Быстрый переход от веселья к грусти, от смеха и шутки к меланхолическому настроению, от гопака и плясового темпа к звукам, полным тоски и скорби – это коренная черта украинского национального склада, ярко проявившаяся и в литературе, и в самой жизни “племени поющего и пляшущего” [20, с. 13]. Потому-то гоголевские “Вечера” чаруют своим “сочетанием лирики и юмора”, “потоком шуток, острот, переходящих в “жарт” и “затаенную грусть”... вдруг выступающую как настоящее малороссийское “сумувань” [20, с. 13].

Вместе с тем конец XIX – начало XX веков оказался эпохой, диаметрально противоположной предыдущей. Ее главными приметами, напомним, стали кризис общественного сознания, с одной стороны, и формирование на его почве новых эстетических идей, в частности декаданса. Отсюда господствующим настроением и в жизни, и в литературе оказывается пессимизм. И это настроение будет абсолютно несовместимым с устоявшимся восприятием “Вечеров” как книги “легкой”, “веселой”, “забавной”.

Первыми это почувствовали символисты, выступившие со своими программными статьями, в том числе и о Н.В.Гоголе, в 90–900-е гг. Таковы “Несколько слов о Гоголе” В.Розанова (1891), “Русские критики” А.Волынского (1896), “Гоголь и черт” Д.Мережковского (1903). В их суждениях, высказываниях, оценках юмор “Вечеров”, так долго казавшийся светлым и безоблачным, обнаружил и другое начало – не столько национальное, сколько мистическое, иррациональное, демоническое. Так, в частности, согласно Д.Н.Мережковскому, все творчество Н.В.Гоголя (и “Вечера” в данном случае) не является исключением, проистекает от соприкосновения двух начал: языческого и христианского. Одним из наиболее ярких примеров такого соприкосновения в первом цикле гоголевских повестей является, по мнению критика, знаменитая русалочья сцена в “Майской ночи”, когда Левко по черному пятну внутри светящегося тела узнает ведьму. Прозрачные тела русалок, “светящиеся насквозь, как будто изваянные из облаков”, по Д.Н.Мережковскому, производят впечатление чего-то мистически одухотворенного. Но при всей своей бестелесности это все-таки “плоть”, и плоть “нетленно твердая, как твердь

небес” [21, с. 91–92]. А черное пятно внутри русалки – это как раз и есть граница соприкосновения двух стихий: языческой и христианской. “Черное пятно, – пишет критик, – есть и в гоголевской плоти, в первозданной стихии его веселости и смеха”, за которым, как ему кажется, всегда наступает “беспредельный мистический ужас” [21, с. 92].

Близкой к символистской интерпретации первого цикла гоголевских повестей оказалась и работа К.С.Шамбинаго “Трилогия романтизма” (1911). Среди большого количества проблем ее автор коснулся и проблемы юмора “Вечеров”. Рассматривая первые повести Н.В.Гоголя в плоскости романтизма, открытием которого стали, как известно, фантастическое и ужасное, осмысленные сквозь призму живописного, К.С.Шамбинаго сравнивает творческую манеру их автора с художественной манерой Ф.Гойи и приходит к важному открытию: только эти два художника “сумели увидеть, что ужасное внешне должно отражать и ужасное внутри, что в чертовщине мало видеть плод одного воображения, она уже – сверхвоображение, она – страшная действительность” [22, с. 13]. Поэтому, с его точки зрения, Гоголь никогда не смеялся сквозь слезы, и хотя часто говорил о смехе, но сам никогда не смеялся. Его поэзия – поэзия ужаса. В “Вечерах на хуторе” уже разлиты печаль и страх, испытанные самим Гоголем перед вызванною им чертовщиной” [22, с. 25].

Вместе с тем в первые десятилетия XX века культурно-историческая школа еще сохраняла свои позиции в литературоведении. В промежутке между двумя гоголевскими юбилеями (1902 и 1909 гг.) появились работы П.Л.Заболотского, М.Н.Сперанского, С.А.Венгерова, П.Н.Сакулина и других авторов. В общем контексте гоголеведческой литературы тех лет они явились выразительной альтернативой символистским суждениям о демоническом, “инфернальном” [23, с. 56] смехе “Вечеров”.

Как и их научные предшественники, А.Н.Пыпин, А.И.Кирпичников, Н.С.Тихонравов, представители культурно-исторической школы в XX веке, в основном, разделяли мысль о “забавном”, “простодушном” юморе первых повестей Н.В.Гоголя. Но в основе такого восприятия лежали уже несколько иные критерии. Напомним, что методологической основой культурно-исторической школы стало представление о литературном произведении как о художественной иллюстрации общественной эпохи.

Наиболее последовательно этот критерий к гоголевским “Вечерам”, и в первую очередь к их юмору, применил П.А.Сакулин. В своей работе “Солнечный талант” (1909) он писал: “В двадцатые годы прошлого столетия (т.е. XIX века – Н.Ж.) лучшие люди эпохи гордо носили “гражданина сан”. ... Но еще один роковой поворот пути – и картина существенно меняется: замолкают Чацкие, гибнут Рылеевы, Пушкин – в опале. Скалозуб занимает пост шефа жандармов... Молчалин попадает в министры. Замерли последние лязгающие звуки кандалов на ногах декабристов. Суровая рука заботливо стерла все радостные краски с лица

русской жизни. Настали серые гнилые петербургские будни. Вдруг волны заразительного смеха и искрометного юмора ворвались в царство холодного молчания; поток света и поэзии залил стены хмурой казармы. Явился Панько со своими “Вечерами” [24, с. 3]. В этом контексте заразительная и неистощимая веселость первых повестей Н.В.Гоголя, по П.А.Сакулину, приобретала ярко выраженное общественное значение, становилась знаком общественного протеста и вызова депрессивной николаевской эпохе.

Правда, исследователь вынужден был сделать и весьма существенную оговорку: “Гоголь творил стихийно, не отдавая отчета в социальном смысле своих произведений” [24, с. 12]. Но для П.А.Сакулина как представителя культурно-исторической школы гораздо более важное значение имели не внутренние побуждения писателя, а тот общественный резонанс, который произвели его произведения.

Вместе с тем наблюдения и выводы символистской критики уже стали фактом научного обихода. Не учитывать их было просто некорректно. Вследствие этого П.А.Сакулин вынужден уточнить: “Он (т.е. Гоголь – Н.Ж.) весь казался сотканным из ярких лучей дневного светила, за блеском которых скрывалось мистическое начало, незримо таившееся в глубине его души” [24, с. 4]. Но, по убеждению исследователя, мистическое начало – это всего лишь штрих, оттеняющий “солнечный талант” автора “Вечеров”, “ослепительные лучи” которого “бликами сразу же рассыпались по поверхности русской жизни” [24, с. 4].

Традиции культурно-исторической школы оказались сильными и в литературоведении советской эпохи. Однако в отличие от своих предшественников конца XIX – начала XX вв. гоголеведы того времени уже не просто отмечали “веселый комизм” “Вечеров”, но и пытались отследить важнейшие приемы его создания. Так, в частности, по мысли М.Б.Храпченко, юмор первых повестей Н.В.Гоголя лишь отчасти связан с комизмом характеров (доверчивый Черевик, сварливая Хивря, любвеобильная Солоха, самоуверенный, но туго соображающий ловелас Чуб и др.). Но в большинстве случаев комический эффект достигается в них через описание забавных происшествий и ситуаций, подобных сцене ужаса в “Сорочинской ярмарке” во время кумового рассказа о красной свитке. Большую роль в этих сценах играют жест, мимика, поза, подобное [25, с. 127, 130, 132].

Важным этапом в осмыслении гоголевских “Вечеров” в XX веке стали работы Л.В.Пумпянского и М.М.Бахтина, с одной стороны, Ю.В.Манна – с другой. Свое внимание их авторы сосредоточили на проблеме для гоголеведения не вполне новой – это смех сквозь слезы. Но к решению ее они подошли вполне по-новому. Впервые соотношение веселого и грустного, смешного и страшного комического и трагического в творчестве Н.В.Гоголя, и в первых его повестях в том числе, объяснялось не личными качествами писателя или его национальной принадлежностью, но выводилось из народного смехового сознания и народной смеховой культуры. Так, в частности Л.В.Пумпянский

писал о “Вечерах” как о “сфере порождения” комического эпоса, эклектически соединившего все виды комического: фантастику, патетику, идиллию, страх. По его мнению, смех первых повестей Н.В.Гоголя соответствовал времени рождения смеха в народной культуре. “Счастливым, фантастический мир у Гоголя, – писал он, – есть принадлежность эклектического комического эпоса” [26, с. 107].

Мысль о народной карнавальной атмосфере гоголевских “Вечеров” обосновывал в своих работах и М.М.Бахтин. Праздник, по его мнению, связанные с ним поверья, его особая атмосфера вольности и веселья выводят жизнь из ее обычной колеи и делают невозможное возможным (в том числе и заключение невозможных ранее браков). Ссылаясь в качестве примера на разнообразные переодевания и мистификации, исследователь настаивал на том, что смех первых повестей писателя – это смех “чистый, народно-праздничный”, он “амбивалентен и стихийно-материалистичен” [27, с. 485–486].

Вслед за Л.В.Пумпянским и М.М.Бахтиным, Ю.В.Манн также отмечает целый ряд карнавальных элементов в гоголевских “Вечерах”. Они обнаруживают себя в проделках влюбленных, нарушении моральных, этических и социальных правил и т.п. Это и проказы Левко и его товарищей (в “Майской ночи”), и неповиновение пьяного Каленика (там же), и веселые проделки влюбленных (в “Сорочинской ярмарке”) и многое другое. Но, в отличие от своих предшественников, Ю.В.Манн отмечает явное отступление автора “Вечеров” от карнавальной традиции. Таковы, считает исследователь, отход от всеобщности действия в сторону его индивидуализации и механической имитации жизни (что обнаруживает, например, финал “Сорочинской ярмарки”). По наблюдениям Ю.В.Манна, обычное “веселое место” реализации карнавального начала в первых повестях Н.В.Гоголя оказывается в то же время и “проклятым” местом (как, например, в той же “Сорочинской ярмарке” торговая площадь или баштан в “Заколдованном месте” [28, с. 17]).

О соотношении карнавального начала с комическим и серьезным в творчестве Н.В.Гоголя писал также в 70-е гг. прошлого, XX века, и Ю.В.Лотман [29].

Новая волна интереса к юмору гоголевских “Вечеров на хуторе близ Диканьки” возникает на рубеже тысячелетий. Отличительной особенностью современных публикаций, затрагивающих данную проблему, является стремление их авторов, с одной стороны, соединить идею карнавального начала, введенную в научный обиход Л.В.Пумпянским, М.М.Бахтиным, Ю.В.Манном, с вопросом о национальных истоках гоголевского юмора, с другой – актуализировать саму проблему национальных истоков. Таковы работы С.М.Козловой “Славянский юмор в творчестве Н.В.Гоголя” (Барнаул), В.Я.Звизняцкого “Самосознание смеха” (Киев) и др.

Правда, весьма показательно, что представление об этих истоках у российских и украинских исследователей сегодня иногда оказывается разным. Так, в частности, у С.М.Козловой не вызывает сомнения, что “смеховой аспект мира”

в “Вечерах на хуторе близ Диканьки” “обусловлен национально-генетическими и национально-культурными факторами” [30, с. 10]. Но их основу, считает исследовательница, составляют все же не столько украинские, сколько общеславянские элементы, явившиеся в первых повестях писателя трансформацией элементов западноевропейской карнавальной культуры. Главным тому доказательством, с ее точки зрения, являются ключевые фигуры их комического пантеона – “черт и запорожец, в характеристике которых преобладают карнавально-фарсовые мотивы (пьянство, обжорство, бесшабашная удаль, балагурство и т.п.). Причем, запорожец, по ее мнению, – это “украинизированная ипостась универсальной народно-смеховой фигуры черта”. А именно черт, заместивший в “Вечерах на хуторе близ Диканьки” большую часть комических масок западноевропейской литературы (раблезианского монаха, сервантесовского чудака, шекспировского шута), определяет славянскую специфику гоголевского юмора в целом” [30, с. 14], поскольку другие фигуры комического мира первых повестей Н.В.Гоголя, например, простака-силача (кузнец Вакула) или трикстера, т.е. плута, организатора веселых розыгрышей (цыган в “Сорочинской ярмарке” или Левко в “Майской ночи”), вообще интернациональны [30, с. 15].

Подобно С.М.Козловой, В.Я.Звизняцкий считает, что главным источником комизма в ранних повестях Н.В.Гоголя является народная демонология, т.е. образ все того же черта. Но само умение посмеяться над страшным, по мнению исследователя, пришло к автору “Вечеров” именно из украинского фольклора. Об этом, убежден В.Я.Звизняцкий, красноречиво свидетельствует, во-первых, образ Рудого Панька, персонажа, который “обнаруживает яростное, доходящее до смеха, презрение к черту, потому что он – “собачий сын!” и “у него правды ни на копейку нет!” [31, с. 30, 31]. И, во-вторых, одно из замечаний писателя, высказанное в частной переписке с С.П.Шевыревым. Суть его сводится к тому, что знакомый последнего, “рыженький старичок”, всегда с насмешкой говоривший о дьяволе, “должен быть малороссиянином” [31, с. 37, 29].

В заключение еще раз отметим: комическое начало и юмор являются одним из важнейших компонентов художественного своеобразия повестей, вошедших в состав гоголевских “Вечеров на хуторе близ Диканьки”. Отсюда то пристальное внимание, начиная с их первой публикации и до сегодняшнего дня, которое уделяли осмыслению этой проблемы критики и гоголеведы. На разных этапах гоголеведческой науки, в зависимости от уровня ее развития и состояния общества в целом, им удалось выявить его разные грани и аспекты: веселый, забавный, грустный демонический, гражданский, отмеченный печатью национального своеобразия и вобравший особенности общеевропейской культуры. В совокупности это способствовало расширению читательских представлений и о поэтической оригинальности первых повестей Н.В.Гоголя, и о неисчерпаемости их содержания.

Литература

1. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. – 4-е изд. – М. ; Л., 1978. Т. VII. – 1978.
2. Литературные прибавления к “Русскому Инвалиду”. – 1831. – 3 октября. – № 79.
3. Шевырев С. П. “Миргород”. Повести, служащие продолжением “Вечеров на хуторе близ Диканьки” / С. П. Шевырев // Московский наблюдатель. – 1835. – Ч. I. – Кн. 2.
4. Белинский В. Г. Русская литература в 1841 году / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. – М. : Худ. лит., 1979. – Т. 4. В дальнейшем вся цитация высказываний В.Г.Белинского приводится по настоящему изданию. Поэтому в тексте статьи указываем порядковый номер источника, том – римскими, страницу – арабскими цифрами.
5. Полевой Н. А. “Вечера на хуторе близ Диканьки”. Повести, изданные Пасечником Рудым Паньком. Книжка вторая / Н. А. Полевой // Московский телеграф. – 1832. – Ч. 44. – № 6.
6. Сенковский О. И. Сочинения Николая Гоголя / О. И. Сенковский // Сенковский О. И. Собрание сочинений. – СПб., 1859. Т. 9. – 1859.
7. Греч Н. И. Чтения о русском языке / Н. И. Греч. – СПб., 1840. Ч. 2. – 1840.
8. Герцен А. И. О развитии революционных идей в России / А. И. Герцен // Герцен А. И. Собр.соч. : в 8 т. – М., 1975. Т. 3. – 1975.
9. Григорьев Ап. Русская литература в 1851 году. Статья вторая / Ап. Григорьев // Москвитянин. – 1852. – Кн. 2. – № 4.
10. Дружинин А. В. Письма иногороднего подписчика. Письмо 34. Декабрь, 1853 года / А. В. Дружинин // Дружинин А. В. Сочинения. – СПб., 1865. Т. 6. – 1865.
11. Бауман Н. О. Николай Васильевич Гоголь (критический очерк) / Н. О. Бауман // Иллюстрация. – № 15. – 17 апреля.
12. Вяземский П. А. Языков и Гоголь / П. А. Вяземский // Вяземский П. А. Сочинения. – СПб., 1879. Т. 2. – 1879.
13. Русский архив. – 1866. – № 7.
14. Гоголь Н. В. Авторская исповедь / Н. В. Гоголь // Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 8 т. – М., 1984. Т. 7. – 1984.
15. Тихонравов Н. С. М.С.Щепкин и Н.В.Гоголь / Н. С. Тихонравов // Тихонравов Н. С. Сочинения. – М., 1898. Т. 3. – Ч. I. – 1898.
16. Кирпичников А. И. Н.В.Гоголь / А. И. Кирпичников // Кирпичников А. И. Очерки по истории новой русской литературы. – М., 1903.
17. Пыпин А. Н. Н.В.Гоголь / А. Н. Пыпин // История русской литературы : в 4 т. – СПб., 1899. Т. 4. – 1899.
18. Петров Н. Очерки из украинской литературы / Н. Петров // Исторический вестник. – 1882. – № 8.
19. Некрасов И. С. О значении Лермонтова и Гоголя в истории русской литературы / И. С. Некрасов. – Одесса, 1887.
20. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Гоголь в его произведениях / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. – М., 1909.
21. Мережковский Д. Н. Гоголь и черт. Исследование / Д. Н. Мережковский. – М., 1906.
22. Шамбинаго С. К. Трилогия романтизма / С. К. Шамбинаго. – М., 1911.
23. Ремизов А. М. Огонь вещей. Сны и предсонье. 1934–1954 / А. М. Ремизов // Ремизов А. М. Огонь вещей. – М., 1989.
24. Сакулин П. А. Солнечный талант / П. А. Сакулин. – М., 1909.
25. Храпченко М. Б. Николай Гоголь. Литературный путь, величие писателя / М. Б. Храпченко. – М., 1980.
26. Пумпянский Л. В. “Вечера на хуторе близ Диканьки” / Л. В. Пумпянский // Преподавание литературного чтения в эстонской школе : методические разработки / сост. В. Н. Невердинова. – Таллин, 1986.
27. Бахтин М. М. Искусство слова и народная смеховая культура (Рабле и Гоголь) / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
28. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя / Ю. В. Манн. – М., 1988.
29. Лотман Ю. М. Гоголь и соотношение “смеховой культуры” с комическим и серьезным в русской национальной традиции / Ю. М. Лотман // Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1974. – № 1 (15).
30. Козлова С. М. Славянский юмор в творчестве Н.М.Гоголя / С. М. Козлова // Гоголь и славянский мир.– Томск, 2007. – Вып. I.
31. Звиняцковский Н. Я. Самосознание смеха / Н. Я. Звиняцковский // Гоголь и славянский мир.– Томск, 2007. – Вып. I.